

Степан Лобозеров

Вероника, или Последние под луной

Пьеса в 2-х действиях.

Действующие лица:

Вероника, лет около 30.

Петр, лет сорока.

Мария Михайловна, его мать.

Николай Васильевич, его отец.

Ефросинья Семеновна, соседка.

Яша, одноклассник Петра.

Действие происходит в наши дни.

Действие первое.

Картина первая

Небольшой садик у старого дома, огороженный полуразвалившейся изгородью. Скамейка, за ней кусты сирени, черёмухи, ещё чего-то. На скамейке сидит Пётр. У изгороди стоит хозяйка этого двора – Семеновна, лет очень преклонных, но без признаков дряхлости.

Семеновна – Опять светлая ночь будет, вон какой месяц вылезит. Поглядишь на него, и будто вокруг всё как раньше было, будто б ничего и не менялось, будто б никто и не умирал.

Петр - (очнувшись от своего) Кто умирал?

Семеновна - Да это я про тех, кто раньше жили.

Петр – Где она, квартирантка твоя? Пригласила на новоселье, а сама спряталась.

Семеновна – А ты по делу какому, или она тебе шибко знакомая, или как?

Петр – А что тебя интересует, конкретно?

Семеновна – Так мне теперь какая «конкретна», я своё отжила. А вот девка молодая, а может, ещё и неопытная, случись чего, я и ответчик, раз у меня остановилась.

Петр – На что намекаешь?

Семеновна – Да на то, что если произойдёт, как я потом людям в глаза смотреть буду? На твоей же, скажут, «теллитории», произошло, а ты где была?

Петр – Пенсию, скажешь, пересчитывала.

Семеновна – Ага, тебе смех, а тут и так Ночной Старухой прозвали, а потом скажут, что «она не просто по ночам ходит, но ещё и устраивает».

Петр – Что устраивает?

Семеновна – Что, как будто не знаешь, что!

Петр – Не знаю, так что говори прямо. Вот видишь, даже сказать – стыдно! А ты это в своей пожилой голове держишь!

Семеновна – Чего я держу? И так ни ума, ни памяти не осталось, да если ещё и вас держать!

Петр – Тогда нечего было и заводить тут эту «прелюдию».

Семеновна – Ага, думаешь, если научился всяких слов, так теперь можно и над старухой смеяться?

Петр – А ты не паникуй, а запомни, что если современный, целеустремленный мужчина встретится ночью с такой же целеустремленной женщиной, у них сразу возникает взаимное желание...к совместному бизнесу!

Семеновна – Ну, и как это понять?

Петр – А так, что сначала они всё вокруг скупают, а потом начнут совместное предприятие.

Семеновна – И всё?

Петр – А чего ты ещё хотела?

Семеновна – Только земли скупают или дома тоже скупать будут ?

Петр – Лично за свою избу не беспокойся, я всё улажу.

Семеновна – Ладно, если только не смеёшься над старухой, да не обманываешь. А вон и она идёт, королева, не хуже этого месяца светится. Ладно, решайте тут, считайте, не буду вам мешать. (Уходит)

К скамейке идет Вероника в белом бальном платье.

Вероника – А вот и я, «вся в белом», не ожидали такой?

Петр – Честно говоря, «такой» не ожидал.

Вероника – А «такой» - это что значит?

Пётр разводит руками.

Вероника – Извините, что заставила вас ждать: готовилась «к выходу в лунный свет». Когда долго не выезжаешь из города, кажется, что всего этого уже давно нет, осталось только в старых романах, и вдруг снова увидеть это: ночь, луна, тишина непуганая; где я, и что со мной? Да и кто со мной? Здравствуйте, сударь, добрый вечер!

Петр – Это, видимо, я должен спросить, где я, и что со мной?

Вероника – (кивая на свое платье) А, вы об этом... Сама не помню, когда и зачем коробку в машину забросила; однако видите, пригодилось: и я «вся такая», и вокруг... Да вы только посмотрите! (Поёт):

«Отвори потихоньку калитку

И войди в тихий садик как тень,

Да накинь потемнее накидку,

Кружева на головку надень...»

(Вероника явно кокетничает, но как-то угловато, как подросток)

Вероника – В детстве мечтала, чтобы вот в таком платье... Корзины цветов и нескончаемые аплодисменты, – глупенькая.

Петр – Почему глупенькая?

Вероника – Потому, что аплодисменты, это далеко не самое главное. Да и с голосишкой моим далеко не уедешь. А главное сейчас в том, что я вам уже наврать успела.

Петр – Уже? Ну, нравы пошли!

Вероника – Вас же Пётр зовут?

Петр – Что-то вроде этого.

Вероника – А можно, раз уж мы оказались в этой «лунной сказке», я буду вас звать Пьером? Просто в детстве моим любимым героем был Пьер Безухов: такой большой, такой сильный и такой беспомощный.

Петр – А что, звучит! Особенно, если по какому-нибудь из дедушек: Пьер Спиридонович, например.

Вероника – А моё имя Вероника. Но вера - это не напоказ, внутреннее, и остаётся только Ника, так что зовите меня просто Ника.

Петр – Спасибо вам, просто Ника!

Вероника – За что?

Петр – За то, что пригласили. С вами легко, а это теперь редкость.

Вероника – Да, спасибо за то, что я вас обмануть успела? Платье это я специально с собой вожу. Заедешь куда-нибудь, где вот такая красота и тебя никто не знает, и можешь радоваться сколько душе угодно.

Петр – Чему радоваться?

Вероника – А всему! Нас мама с детства приучила всему радоваться. Да и у всех же так: встретишь хорошего человека, и на душе радостно становится. Меня даже в школе за это дразнили, и я как-то даже папе пожаловалась. А он сказал: сама выбирай: или быть радостной счастливой простушкой или умненькой, всем недовольной занудой. Ну, я, конечно, дуручку выбрала и всю школу изо всех сил радовалась.

Петр – А после школы как?

Вероника – А вот там сложнее. Я же как Пятачок была: ой, посмотрите какая травка, цветочки, птички, а вон депутат выступает, посмотрите какой хороший человек! Ну, и естественно ко мне стали подходить и участливо спрашивать: ты что, дура, да? И вот взрослой душой мне захотелось быть уже как-то не очень. Поэтому я теперь радуюсь только тогда, когда меня никто не видит. А знаете, кого я терпеть не могу – феминисток! Вот если бы сейчас собирали против них какое-нибудь ополчение – первая бы записалась, но только чтобы в плен не брать!

Петр – Ого, откуда такое не-милосердие?

Вероника – А как ещё с ними, если они хотят нас в мужиков превратить! Вот представьте: прямо сейчас, здесь взять и переодеть меня во всё ваше, что бы получилось? Правильно, чучело!

Петр – (пристально глядя ей в глаза) Так вот прямо взять и... переодеть?

(неловкая пауза)

Вероника – Ну, это так, наши внутривидовые разборки. Конечно же, вы умнее нас, в политике там, в животноводстве, но вот что касается тонких материй, тут вы, извините, дуболомы. Хотя...без вашей мужественности не было бы и женственности.

Петр – Так кто же мы всё-таки – дуболомы или просто мужественные?

Вероника – А всё вместе: мужественные дуболомы. А умных мне даже жалко бывает.

Петр – Почему?

Вероника – Им даже поговорить не с кем и радоваться нельзя: могут подумать, что не такой уж и умный.

Петр – Надо записать. А как вы вообще сюда попали?

Вероника – В ваш город? В командировку.

Петр – А сюда?

Вероника – Окно появилось, вот я его и использовала. Нет, про работу сейчас не надо. Только смотреть, слушать, дышать и всё это в себя впитывать.

Петр – Уже полмесяца здесь живу, а всё не впитывается.

Вероника – Значит, глубже дышать надо. Вот лунный лес, что это для вас?

Петр – Древесина, качественная и не очень, измеряется в кубометрах.

Вероника – А река, помните: «вся из лунного серебра»?

Петр – Вода, обычно мутная, поэтому нужны очистные сооружения. И на луне люди уже побывали; я ведь реалист, мадам, или мадемуазель?

Вероника – Лучше «сударыня». Да, действительно, как трудно живётся умным. И как, наверное, скучно. Неужели вас никогда не пронзала, как раньше выражались, «радость бытия»?

Петр – Пронзала, на стадионе, когда гол забивают. Но от этого я начинаю так орать, что глаза вылазят из орбит. Поэтому вне стадиона я стараюсь свою радость не «демонстрировать». А вы всё это серьёзно?

Вероника – Что?

Петр – Ну «лунные сказки», «чудные мгновения» и разные другие «возвышенности».

Вероника – Да, серьёзно, «пронзает»; может быть, потому, что мне мало отпущено.

Петр – Чего?

Вероника – (спохватившись и снова начиная кокетничать) Ума, наверное. Зато чувств отпустили с избытком: очень эмоциональная барышня. Хотя мне действительно не понятно, как можно не замечать эту красоту, не ценить её, не благодарить за неё хотя бы в сердце. А вот когда люди жили в мире слова, они это очень даже замечали. (поет):

«Только вечер затеплится синий,
Только звёзды зажгут небеса,
И черёмух серебряный иней
Уберёт жемчугами роса,
Отвори потихоньку калитку
И войди в тихий садик как тень,
Да накинь потемнее накидку,
Кружева на головку надень...»

Петр – Красиво. Или как ещё,- поэтично, даже изыскано. А что это за «мир слова», позвольте полюбопытствовать?

Вероника – Помните же: сначала главным было Слово, потом его вытеснила картинка, а теперь туда в виртуал очередь.

Подходит Семеновна.

Петр – (Семеновне) Ты чего?

Семеновна – Так я думала, вы обсуждаете да считаете, а вы, слышу, уже запели; вот я и вышла.

Петр – Икак это понимать?

Семеновна – А вот так и понимай, что как только разговоры пойдут, а у меня и ответ готовый – сама там была, и сама всё видела!

Петр – Что ты здесь видела?

Семеновна – А то и скажу, что ничего не увидела, хотя и смотрела не переставая. (Веронике) Семья у них шибко уж видная, а сам он женатый, даже ребёнок имеется, так что разговоры пойдут обязательно; вот тогда –то я всё и выскажу, что сама лично присутствовала.

Петр – А вот это уже не смешно.

Вероника – Спасибо за заботу, баба Фрося, не беспокойтесь, мы никуда не уйдем, а громко петь больше не будем.

Семеновна – Ну, и ладно. Гостей-то у меня уже лет сто не было – ни родных, ни соседей не осталось, вот я и растерялась от страха. А теперь и успокоилась, пойду.

Семеновна уходит, Вероника с улыбкой смотрит ей вслед.

Петр – Явижу, эта беспардонность вас умиляет?

Вероника – Это не беспардонность.

Петр – А что же тогда, хамство?

Вероника – Мне кажется, ответственность.

Петр – Перед кем?

Вероника – Перед людьми, перед тем «что люди скажут». Тысячу лет на этом стояли: закон можно обойти, а это не обойдёшь.

Петр – А вы кто по профессии?

Вероника – Психолог, да еще и социолог теперь.

Петр – Но вы же всё о музыке говорили, даже пели?

Вероника – Это детство, и для души, а здесь специальность, карьера.

Петр – И как «карьера»?

Вероника – Ошеломительная! Это там, за бугром при малейшей заминке бегут к психологу, с денежкой, разумеется, а наши замшелые граждане поплачутся друг дружке в жилетку даром, на халяву, считай, а нам, психологам, фигурку. Хотя, если по секрету, – правильно делают. А мы уж как-нибудь перетопчемся. Мне просто самой интересно: какое же, всё-таки, человек сложное создание! А вы знаете, что такое музыка сфер?

Петр – Что, Пьеры и это знать обязаны?

Вероника – Что это такое, я и сама толком не знаю, но объясняю себе это так: сферы – это там высоко планеты разные, и у каждой своя дорога, или там орбита, в этом пусть астрономы разбираются. Главное, что там всё выверено до микрона; значит, там полная гармония. А там, где устанавливается гармония, обязательно должна зазвучать музыка. Вот только как её услышать?

Петр – А если микрофон туда как-нибудь повыше подсунуть?

Вероника – Фи, микрофон... Чтобы вас какой-нибудь попсой окатило? Нет уж, здесь самому нужно.

Петр – Что, самому прямо туда залезть?

Вероника – Ах, Пьер ну как вы не поймёте!

Петр – А что, Пьеры всё с полуслова понимали?

Вероника – Даже раньше. Им ещё не успевали сказать, а они уже всё понимали. Это в себе, в себе нужно всё так настроить, чтобы и здесь (показывает на грудь) установилась гармония.

Петр – И как же всё это здесь настраивается?

Вероника – В том и дело, что это очень и даже очень! Тут вам не бабушку через дорогу перевести!

Петр – Что, надо ещё и дедушку?

Вероника – Ах, Пьер не будьте циником, а посмотрите лучше вокруг: какая во всем гармония, почувствуйте себя частицей всего этого, и у вас внутри... Или вы разыгрываете меня?

Петр – Да поймите же, мадемуазель, или даже сударыня, что это защитная реакция!

Вероника – От чего?

Петр – От ваших чар.

Вероника – Ну вот, приехали, пора звать бабушку.

Петр – А что, Пьеры разве не так выражались?

Вероника – Нет, они были весьма великодушны и не смущали бедных девушек в белом.

Петр – Ну, давайте тогда без смущения слушать вашу музыку.

Вероника – Слушать должны вы.

Петр – А вы что же?

Вероника – Я мелкая, меня оттуда и не заметят, а вот вы такой самоуверен...то есть, такой самодостаточный, такой импозантный, вас трудно не заметить. Поэтому настраивайтесь и слушайте, а я подпевать буду, чтобы вам легче было на лунную волну настроиться. (Тихо подпевает):

«На воздушном океане

без руля и без ветрил

тихо плавают в тумане

хоры стройные светил»

Ну, что, слышите?

Петр – Мешает шум какой-то, стук.

Вероника – Может быть вертолёт?

Петр – Нет, это где-то здесь близко.

Вероника – Может, бабушка толчёт чего-то? Я не слышу, а у вас, видимо, слух обострился.

Петр – Нет, это здесь, я понял – сердце.

Вероника – Какое сердце?

Петр – Моё, оно у меня такое отзывчивое на музыку, слуха нет, но такое отзывчивое.

Вероника – Но если на музыку, значит, вы её слышали?

Петр – Вас услышал, ваш голос, он у вас такой, что даже бухгалтеру может проникнуть в самое сердце: вот послушайте как бьётся!

Берет её руку и пытается приложить к своей груди, а затем и всю притянуть к себе. Вероника резко вырывается.

Вероника – (Как бы стряхивая с себя что-то) Жалко, думала вы из романа, а вы из сериала (Идёт к избе).

Петр – Ника, подождите! Вы что, обиделись? Ну это же шутка, вы же сами начали эту игру.

Вероника – Я не умею обижаться, а учиться – поздно, уже не успею. Просто я не думала, что солидный отец семейства вдруг начнёт изображать из себя плейбой.

Петр – Подождите, Ника, при чём здесь плейбой, – обычный дурак! Но я же не думал, что ...

Вероника – Прощайте.

Заходит в дом. Петр чего – то ждет. Из дома выходит Семеновна.

Петр – (кричит) И вообще, какой я к черту плейбой!

Семеновна подходит.

Семеновна – Ты чего, материшься, что ли? Ещё и подрались, поди? А я думала, она смиренная, вон какое платье одела.

Петр – Почему она именно к тебе заехала?

Семеновна – Спросила, у кого остановиться можно, а её ради смеха, видно, ко мне и направили. И не развернулась ведь, не убежала, когда хоромы-то мои увидела.

Петр – (кричит в сторону дома) Какой я к черту плейбой?!!

Уходит. Семеновна одна садится на скамейку. С улицы входит Яша.

Яша– Иду, смотрю, и глазам не верю: во дворе у Семеновны месяц иномарку греет, это как понять?

Семеновна – Тут как хошь, так и понимай! Сначала: всё скупим, всё застроим, говорил, а она так даже пела два раза! А потом она в дом, а он в след ей матюгами; не нашими, правда.

Яша– А кто он-то?

Семеновна – Сынок учительский, полмесяца уж как приехал.

Яша– Видел.Он, правда, меня не узнал. А теперь, значит, и она приехала?

Семеновна – Ну, да, и он сразу же тут как тут. Сначала-то я думала, что он к ней, ну, как мужик к женщине, а он говорит, что богатые люди теперь этим не занимаются, а если ночью встретятся, так сразу начинают капиталы свои подсчитывать, да решать, как им совместно ещё больше заграбастать.

Яша– (начинает быстро ходить по садику) Интересно, интересно у тебя тут девки пляшут, даже очень. Значит, сначала скупать всё будут?

Семеновна – Я тоже испужалась, что всё, а он обещал об моей избе похлопотать. А то место –то у меня шибко уж хорошее: и речка, и лес рядом, и черёмуха разрослась, и вон какой месяц над ней.

Яша– Погоди, тут посерьёзней твоей черемухи дела разворачиваются. Стройка начнется – работяги, бугры понадобятся, даже, может, управляющий какой. А мы тут как тут, первые! Так что не кудахтать надо, Семеновна, а радоваться! Но для этого надо меня с ней свести! Как хошь, решай, хошь лаской, хошь подкупом, но я должен быть у них первый на должность. И тогда так заживём, что сама тут по ночам петь начнёшь.

Картина вторая.

Дом родителей Петра. Мария Михайловна мать Петра готовит завтрак, входит Николай Васильевич его отец.

Отец – Сразу тебя предупреждаю, что с ума я ещё не сошёл, а то расскажу, а ты сразу подумаешь, что я уже «того».

Мать – Что расскажешь?

Отец – Прогуляться ночью вышел, потому что уснуть не мог, сама знаешь от чего.

Мать – Знаю, дальше.

Отец – Прохожу мимо двора Ночной Старухи, а там вся в белом и поет.

Мать – Кто в белом, Семеновна что ли?

Отец – Какая Семеновна, голос совсем молодой. И одета, ну, как только что из ЗАГСа.

Мать – И что поёт?

Отец – В том то и дело, что если б что современное, а то романс или из оперы какой. Я даже ущипнул себя, ну вот представь: двор старухи у которой уже лет сто никого не было, а в нём ночью, в длинном белом платье, оперу исполняют.

Мать – Ну, так подошёл бы и всё узнал точно.

Отец – Нет уж, на меня какой –то страх напал: понимаю, что такого быть не может, а оно есть. Сама -то представь: у Ночной Старухи ночью кто-то в белом оперу распевает! Значит, с ума схожу? Но как схожу, если всё понимаю?

Мать – Во-первых, успокойся и иди, поспи. У тебя сейчас с этой пенсией нервы как струны.

Входит Петр.

Петр – А что, я как-то не так выгляжу?

Мать – Да не ты, отец боится, что с головой что-то.

Отец – Почему обязательно с головой, а может всё это правда было?

Мать – Галлюцинации уже начались.

Петр – Всё с этой пенсией?

Мать – Ну да, доведут они его.

Отец – Причём здесь пенсия, если я это точно слышал и даже видел, в темноте, правда.

Мать – Ага, видел! (Петру) Семеновна, говорит, Старуха эта Ночная, в свадебное вырядилась и арии из опер распевала. Да ещё и детским голосом, видел он!

Отец – Да почему детским, просто молодым.

Мать – Хотя бы и молодым, откуда он у неё возьмется? Или приснилось, или точно уже галлюцинации появились.

Отец – А почему бы им не появиться, если они меня с работы выжили? Да какой там выжили, выбросили, выпинали! А я что после этого, должен спокойно чаёк сидеть попивать, и чтоб даже ложечка в стакане не тряслась, не звенела, так по- вашему?

Мать – Не выпинавали они тебя, а на пенсию отправили с почётом. Могли бы ещё сколько лет назад отправить, по закону, а они всё ещё как-то терпели.

Отец – Да? И чего же это они терпели?

Мать – Характер твой. Такой справедливый, что никто не знал, куда от твоей справедливости спрятаться.

Петр – Не было у него никаких глюков.

Мать – Как не было, а что тогда было?

Петр – Действительно пела там женщина в белом, не Семеновна, естественно.

Мать – А ты откуда знаешь?

Петр – Я там был. К Семеновне заехала женщина на несколько дней.

Мать – Заехала и сразу петь начала; она что артистка?

Петр – Что-то вроде этого. Так что глюки отменяются.

Отец – Что ж так скоро-то? Только обрадовался, что ни за что теперь отвечать не надо, и снова впрягайся?

Мать – Как будто так и надо: приехала, вырядилась, запела в полночь – тут поневоле подумаешь...

Петр – Да пусть поет. мам, нам бы со своим разобраться.

Отец – А цель какая? В наше... Да нет, в ваше, в ваше время просто так не поют, цель то какая в её пении?

Петр – Налоги заплатила, кредит закрыла, вот и запела от радости.

Отец – (одеваясь) Нееет, в вашем мире ничего просто так не делается, и от радости не поют! Раньше, в 90-е, вот такие в белом завлекали мужиков, которых потом в рабство увозили, а теперь, скорее всего, на органы. В вашем мире за сто километров просто попеть не приезжают!

Петр – Ладно, на органы, так на органы, хоть какая-то польза людям.

Мать – (отцу) Снова поедешь?

Отец – А я что, лапки кверху и упокоиться должен? (выходит)

Мать – Доведут они его.

Петр – А им-то, представь, как с ним таким?

Мать – Пока его не трогали, он таким не был. Школу эту, никто и понять не может, как он умудрился построить. Никто не верил, а он как-то и в план затолкал и деньги выбил, а как стройка пошла, сам там и днём и ночью пропадавал. Главное дело жизни, считай, дороже дома родного; построил, а учеников не стало. Теперь вот и самого выпроваживают на пенсию. А ему кажется, что пока он там, всё как-то будет держаться, а уйдет, - и саму школу эту разберут по кирпичикам.

Петр – Уходящая натура.

Мать – А что это ты так, про отца родного?

Петр – Что здесь обидного, я, видно, тоже уже подошёл к этому. Главное, чтоб на тебя бочку не катил.

Мать – Вот здесь успокойся, как-нибудь сами разберёмся.

Петр – Сами так сами. Мне тоже, честно говоря, сначала со своим разобраться надо.

Мать– Давно жду, когда объяснишь, что там у тебя?

Петр – Мелочи всё какие-то, но постепенно слипаются в большой ком, который тебя с ног сбивает, и такое ощущение, что уже много лет живём в какой-то старой, пыльной, давно заброшенной кладовке, куда ни один лучик солнца не заглядывает.

Молчат .

Петр – Да, раньше нервные дамочки от мужей к маменькам убегали, а теперь мы это дело осваиваем. Смешно, однако до того иногда накатит, что думаешь: хоть бы машиной сбило, что ли... Поэтому и бежишь туда.

Мать – Куда бежишь?

Петр – Ну, не бежишь, уходишь туда, в «сеть», в «информационное пространство». Там всё ярко, остро, со «специями», «приправами», после которых возвращаться в свою пыльную кладовку не тянет.

Молчат.

Мать – А с дочкой как?

Петр – Всё «там» узнал, всё понял за это время, одного понять не могу – когда дочка успела вырасти и почему такая?

Молчат.

Петр – Да если б только семья, а то везде тупик. Отец вот мне простить не может, дезертиром считает.

Мать – Он о династии мечтал: он в деревенской школе директором, а ты уже в большой городской. А тут ты - в газету перебежал, сестра твоя вообще в школу работать не пошла, конечно, обидно ему.

Петр– Но тогда верилось: пресса это сила! Вот разоблачим всех, заменим на хороших и заживём как в европах. Сейчас смешно, но тогда ведь почти все в это верили.

Мать– А теперь?

Петр – Злобу какую-то будим на всех и на вся! Такую, что глаза застилает: ни на что бы вокруг не смотрел.

Мать – Точно так же и на погоду злиться можно.

Петр – Но мозги то нам зачем –то даны?

Мать – На то и даны, чтоб определить мог, что тебе по силам, а на что только злиться сможешь. Всё вокруг под себя не переделаешь. А вот себя можно.

Петр – Чтоб под всё это прогнуться уметь?

Мать – Чтоб увидеть всё по-новому.

Петр – И ты тоже?

Мать – Что?

Петр – Да вчера, у Семёновны, женщина эта...

Мать – Где ты её нашел?

Петр – По улице шёл, она остановилась на машине, спросила, где Семеновна живёт, я показал и на «новоселье» напросился, вроде бы в шутку. А потом- почему бы и не сходить?

Мать – Она что артистка?

Петр – Нет психолог.

Мать – А до жены дойдет?

Петр – Жена сама через слово кричит, что мы живём в двадцать первом веке. И вообще, все эти монологи... К тому, что не хочу я туда возвращаться. А вот вчера... Ты сейчас много счастливых людей встречаешь?

Мать – Встречаю, когда по праздникам из Храма выходят.

Петр – Ну, это «вышнее», я в этом не разбираюсь и судить не хочу, я говорю о нашем грешном мире. А вот вчера я увидел...

Мать – (перебивает) Тебе, что восемнадцать лет? Увидел в белом платье при луне и забыл о своей семье, о сестре, о нас с отцом?

Петр – А почему это я должен забыть?

Мать – А потому что это «одна, но пламенная страсть все займет и на нас уже места не останется, ты уже сейчас все это оправдал: жена жить не дает, дочка ей в этом помогает, отец все равно «натура уходящая», я в твою личную жизнь лезу.

Петр – Значит ради жены и дочери, которые меня терпеть не могут, я должен отказаться от того единственного...

Мать – (перебивает) Почему единственного? У тебя уже была женщина в белом платье, с которой ты прошел под торжественную музыку к новой жизни.

Петр – Мам, мне уже действительно не восемнадцать лет и теперь я наверное имею право сам решать что мне делать. (хочет уйти)

Мать – Значит, снова пойдешь?

Петр – Ночь наверное опять будет светлая. (уходит)

Мать – Значит, сама должна ее увидеть. При дневном свете.

Картина третья.

Ранний вечер, Семеновна хлопает и собирает свои вещи вынесенные утром на просушку. С улицы в калитку входит Мария Михайловна.

Мария Михайловна – Здравствуй, Семеновна!

Семеновна – И ты здравствуй, Марья Михайловна. Проходи, садись, вот хоть на скамеечку.

Мария Михайловна проходит, садится.

Мария Михайловна – А сама что?

Семеновна – Не, вставать потом неохота будет.

Молчат.

Семеновна – Уж не знаю говорить тебе или не говорить?

Мария Михайловна – Он сам мне все рассказал.

Семеновна – Ну, тогда и ладно, тогда и разговору нету. А ты к ней на счет Петра?

Мария Михайловна – Он сам не маленький, а у меня к ней свой разговор.

Семеновна – Ну да конечно. Я вот только... может это и не мое дело, но...и Петра твой и Яков тут про нее говорили, планировали, а она вроде и не походит совсем. Я понимаю дело не мое, но только не походит она.

Мария Михайловна – На кого не походит-то?

Семеновна – Ну да на то, про что они говорили.

Мария Михайловна – (отмахиваясь) Ладно, у них свои разговоры, у меня свой. Можешь ее позвать?

Семеновна – Почему ж не могу-то, сейчас позову.

Уходит в дом. Вскоре из дома выходит Вероника, в обычной одежде.

Вероника – (подходит) Здравствуйте!

Мария Михайловна – Здравствуйте! Я мать Петра Николаевича, Мария Михайловна.

Вероника – Очень приятно, Вероника.

Мария Михайловна – У него очень плохо в семье, и я боюсь, что семья распадется.

Вероника – И вы считаете, что я могу чем – то помочь?

Мария Михайловна – Он говорил, что вы психолог.

Вероника – Да, но обыкновенный, рядовой, без большой практики.

Мария Михайловна – А у нас здесь вообще никаких нет. Вы можете нам помочь, за плату разумеется?

Вероника – За плату не могу, потому что не ручаюсь за результаты, а просто поговорить пожалуйста.

Мария Михайловна – Он вам, наверное, уже сам все рассказал?

Вероника – Нет, хотя что – то понять, я успела.

Мария Михайловна – И что это?

Вероника – Диагноз распространенный, почти общий для современных семей, но объяснить его сложно.

Мария Михайловна – Да, сложно. Скажите, а нормальные, или если еще можно теперь так говорить, счастливые семьи еще сохранились?

Вероника – Здесь, наверное, нужно определиться, что под этим понимать.

Мария Михайловна – А для вас чем это определяется?

Вероника – Для меня, для моих близких степенью благодарности. Это когда благодарность за то что имеешь выше жажды получить большее. Ведь даже от самых близких мы требуем больше того что они могут дать.

Мария Михайловна – Нет, это все таки для моего ума и возраста, наверное, сложно, я просто хотела поговорить о сыне и его семье.

Вероника – Но здесь тоже надо идти от общего. Помните у Толстого: все счастливые семьи одинаковы, а несчастные каждые по – своему. Но все меняется, и теперь наоборот: счастливы все по-своему, а несчастны почти все одинаково. Хотя бывают какие –то конкретные несчастья, у большинства это ежедневная не стихающая, как бы зубная боль, как бы без причины. И у вашего сына, по – моему такое состояние.

Мария Михайловна – Но причина все – таки есть?

Вероника – Обычно мужья видят ее в женах, а жены в мужьях, но это не совсем так.

Мария Михайловна – Значит причина не в ней, не в жене сына?

Вероника – Они оба не слышат друг друга, а видят как в кривом зеркале.

Мария Михайловна – Почему?

Вероника – Информация. Мы воспринимаем ее в виде картинок, текстов, звуков, но можно представить ее виде некой вязкой массы, чем – то вроде патоки или густого сиропа, которая не только заполняет наш мозг и сознание, но и обволакивает нас снаружи, образуя невидимую пленку. То есть человек оказывается как бы в информационном мешке прозрачном, невидимым, но не дающим возможность слышать друг друга, и от этого каждый заикливается на себе. И видит он тогда вокруг себя все как бы в кривом зеркале. Вы же понимаете, что все это я не от себя говорю, не свои мысли.

Мария Михайловна – Да все это я, в общем, знала, только другими словами. Значит дело в ней. Это главное. А своих личных мыслей о семье сына у вас нет?

Вероника – У меня те же мысли, и то же желание, что и у вас: пусть эта семья как то переживет кризис и у них воцарится мир.

Мария Михайловна – Спасибо вам, Вероника! Он очень изменился после знакомства с вами и наверное в лучшую сторону, но ведь...надежды у него никакой?

Вероника – Он хороший, умный человек, но говорить, о каких-то наших отношениях, это просто невозможно.

Мария Михайловна – Спасибо!

Вероника – За что?

Мария Михайловна – За хорошие слова о сыне. У меня к вам еще одна просьба: вы можете уехать не оставив ему никаких координат, даже призрака надежды? И не говорите ему, пожалуйста, что я здесь была.

Вероника – Да, я так сделаю.

Мария Михайловна – Вот и думай, гадай, где найдешь, а где потеряешь. Хотела бы я иметь такую дочь, как вы.

Вероника – Спасибо вам, Мария Михайловна!

Мария Михайловна – Прощайте!

Вероника – Прощайте!

Мария Михайловна уходит. Из дома выходит Семеновна.

Семеновна – (Веронике) Что не договорились? Много просят?

Вероника – Это я многого захотела баб Фрося. Девушке видите ли захотелось побыть барышней на выданье, а из-за этого ее хотения, могли бы поломаться судьбы людей.

Семеновна – Ну так уступи маленько, зачем уж так много-то хотеть, а за свою избу я не боюсь: и он пообещал, и ты знаю не подведешь. А вон, вроде бы и сынок идет.

Вероника – Скажите Петру Николаевичу, что я уснула что ли. (быстро уходит в дом)

В калитку входит Петр.

Петр – Здравствуй.

Семеновна – И ты тоже. Чего- то рано сегодня появился? Я её про мужика спросила, ну, про мужа по-ихнему, а она: он, дескать, каких –то груш объелся шибко и захворал,

видно. Но всё равно, хоть и объелся, а выходит замужем она? Да это я к тому, что если уж всё скупать тут решила, так с мужиком то всё равно посоветоваться надо, а то...

Петр – (перебивает) Позови. Скажи, - больной пришел, ненадолго.

Семеновна – Больной? Так она ещё и лечит, что ли? То-то и мне с утра прописала: вынеси дескать всё, да и просуши, пока солнышко. Сама знаю, что давно надо было, так на всё отговорка имеется: всё равно помирать скоро. А ведь и правда, на сухом –то и помирать лучше будет.

Петр – Ты сначала вызови, а потом готовься.

Семеновна – К чему? К чему готовиться то?

Петр – Откуда я знаю, может к войне.

Семеновна – Что совсем, что ли, скоро будет?

Петр – Слушай, Семеновна, с тобой, конечно, в любую погоду поговорить интересно, но сейчас мне позарез надо гостью твою увидеть.

Семеновна – Позову, ты вроде как и правда больной. А про войну я и не знала, что так скоро. Ты хоть её-то не пужай, а то она сегодня и так чего-то....(уходит в избу)

Через какое-то время выходит Вероника.

Вероника – Здравствуйте Петр Николаевич!

Петр – Здравствуйте, Вероника, простите меня за вчерашнее, – дурости, видимо, тоже все возрасты покорны.

Вероника – Это вы меня простите, Петр Николаевич.

Петр – Я, вас, за что?

Вероника – За то, что вовлекла вас вчера в некое действие. Мне трудно вам объяснить; видимо, это что-то вроде болезни: но временами у меня возникает непреодолимое желание стать хотя бы ненадолго тем, кто я есть на самом деле – глупой девчонкой. А в этот раз мне почему-то захотелось побыть взрослой барышней, и чтобы рядом был настоящий взрослый мужчина. Но со стороны это, видимо, можно было принять за другое. Поэтому я так подробно вам все объясняю.

Петр – Значит, всё то высокое и романтическое, это от особенностей вашей, как вы говорили, психики?

Вероника – Обычно это называют благоглупостями.

Петр – Да ...вчера вы были совсем другой. И вы теперь всегда будете вот такой – совсем взрослой?

Вероника – Бабушка сказала, что меня вызывает больной – это вы?

Петр – Да, я хотел получить консультацию психолога. Ведь психолог - это что-то вроде врача?

Вероника – Вообще –то, в природе еще и психотерапевты водятся. А я психолог самодельный: главному – папа с мамой научили, кое-что сама подсмотрела, а из учебников многое сознательно отбросила.

Петр – А кто ваши папа и мама?

Вероника – С самого раннего детства мы, все три сестры, знали, что наши мама и папа самые добрые, самые умные, самые красивые люди на свете. А какое место они занимают там, во взрослом мире, нас никогда неинтересовало. Вас же, как я понимаю, интересует их социальный статус, но тогда при чем здесь папа и мама?

Петр– Отбрили. А три сестры - это что, прямо из Чехова?

Вероника – Папа терпеть не может чеховских героев: «чай веником пахнет, кухарка готовит скверно, разве это жизнь! Вот лет через сто...!» Но вот прошло больше ста лет, и что мы имеем, хотя бы в вашем лице?

Петр– Чай теперь чем-то вроде бегемота пахнет, кухарок вообще ликвидировали, уверенности, что доживем до следующего года, с каждым годом все меньше, все верно, одного понять не могу: вы-то чему радуетесь?

Вероника – Здесь все просто, я уже говорила об этом: и мама, и папа всегда внушали нам, что самое благородное чувство это благодарность. А вместе с ней приходит радость, приходит непонятно почему, неизвестно откуда, но приходит обязательно.

Петр– Это - литература, да и не очень понятно.

Молчат.

Вероника – Тогда из жизни: папа часто вывозил нас в заброшенную деревню, где не было даже электричества, чтобы, как он говорил, «узнать цену вещей». Было очень интересно – экстрим и все такое, но когда мы возвращались домой, то попадали в сказку: нажимаешь что –то на стене и комнату заливают яркий свет, поворачиваешь рычажок и нагревается печка. И не надо выдирать из-под снега сучья, потом сушить их и долго ждать когда появится тепло. Как тут не быть благодарным?

Петр – Кому?

Вероника – Тем, кто это изобрел, построил.

Петр – Ну это уж, извините, юродство какое-то! Они что, даром строили?

Вероника – Причем здесь плата? Мне совершенно все равно, сколько они за это получили, главное, что теперь я этим пользуюсь, почему же я за это не должна быть им благодарна, хотя бы в сердце?

Петр – Да, вчера вы были совсем другой.

Вероника – Это было вчера, и я вам всё объяснила.

Петр– Тогда скажите хотя бы, как психологи относятся к регистрации брака в ЗАГСе?

Вероника – Положительно, как еще.

Петр– А мне вот кажется что «брачующиеся» подписывают там обязательства заведомо невыполнимые: терпеть друг друга из последних сил и до последнего издыхания.

Вероника молчит.

Петр– Вы не согласны?

Вероника – Если бы сейчас было «вчера», я бы только вздохнула: бедный, несчастный Пьер.

Петр– А когда к тебе испытывают всего лишь жалость, за это тоже надо быть благодарным?

Вероника – Это не жалость, а сожаление, что кто-то находится в таком состоянии.

Петр– Про ЗАГС я заговорил, потому что считаю это формальностью, а нас связывает всего лишь она.

Вероника – Извините, не поняла.

Петр– Вы меня вчера заклеили как семейного дядечку с душонкой плейбоя, так вот я не являюсь семейным, так как кроме ЗАГСА нас ничего не связывает.

Вероника – И вы ждете, что я этому обрадуюсь?

Петр– Извините, запутался. Но я...у меня действительно даже злость появляется, когда слышу о какой-то радости, о счастливых людях; где вы это увидели в реальности? Как будто из учебников своих абзацы вычитываете туповатому школьнику.

Вероника – Да нет же, Петр Николаевич, я сама лично знаю много хороших и счастливых семей. Даже в Москве, как бы ее не склоняли, очень много нормальных, хороших и, в общем, счастливых людей. Знаю, потому что там живет моя сестра. Да и рядом, ну вот баба Фрося, разве не хороший человек? Родители ваши, вы же сами прекрасно знаете - какие.

Петр– Но вы-то не знаете?

Вероника – Не знаю, но уверена.

Петр– Почему?

Вероника – По вас сужу. Хорошего человека могли воспитать только хорошие люди.

Петр– Я - хороший? Тогда какой же вы психолог, если в упор разобраться не можете?

Вероника – Ух, вы только посмотрите на него, какой он плохой!

Подходит Семеновна.

Семеновна – Вы вот тут сидите неизвестно об чём, а там, между прочим, серьёзный человек интересуется.

Вероника – Где? Чем?

Семеновна – К вам послал, предупредила чтобы.

Петр– Да в чём дело–то ?

Семеновна – А это уж он сам разберётся в чём - человек серьёзный.

Петр– В чём разберется?

Вероника – Что–то не так?

Семеновна –А под конец приказал предъявить вам...

Из-за угла дома выскакивает Яша и быстро идет к скамейке.

Яша– (кричит на ходу) Слушай, Семеновна, хоть ты и не пьющая, но дело с тобой иметь...(подойдя к скамейке Вероники) Попросил её, чтоб познакомила меня с вами, как хозяйка; самому-то буром переть как-то неудобно, а она...

Семеновна – Ты же сам сказал предъявить им?

Яша– Чего предъявить?

Семеновна – Да тебя.

Яша – Чего меня предъявлять, я что, сам ходить не умею? (Веронике) Это же я не знаю, как и понять: несколько малолеток отсидели по дурости, а вся деревня теперь ходит пальцы гнет! Ей говоришь познакомить по-человечески, а она сразу предъявы, да хорошо хоть еще стрелку набить не успела.

Семеновна – Ну и разговаривай теперь сам, и нечего было меня втравливать. А то возьми, сосватай ему за пять минут, а он потом тебя же за это на смех подымет (отходит).

Яша – Всё, Семёновна, закончили! (Веронике): Яша я, являюсь хоть и дальним, но все равно родственником хозяйки этого двора.

Вероника – Очень приятно! А я Вероника. Вы местный?

Яша – Не, я с соседней улицы. (кивая на Петра): Да вон, отличник-то, знает.

Вероника – Так вы знакомы?

Яша – Учились вместе.

Вероника – Как, сидели за одной партой, и такая холодная встреча?

Яша – Не, парты разные были, он впереди, а я на «камчатке», как и положено.

Вероника – Почему положено?

Яша – А у меня папаши совсем не было, а мать куда-то вышла замуж и с концами. Так что меня дед выкормил и даже учиться отправил. Иди, говорит, Яшка, учись, но только чтобы без ушшерба для головы. А то там столько всего напихают, что собственная «мозга», говорит, варить перестанет. Вот я и учился совсем без ушшерба, а как деда не стало, воля вольная подхватила и унесла с дальней парты в дальние края. Все севера прошел до самого доньшка. И сейчас живу с перспективой.

Вероника – Это как?

Петр– А он раньше с Интуицией жил, но не расписанный, а теперь с Перспективой всё чин чином расписался. И, между прочим, вы рядом с местным утопленником сидите, можно даже фото на память.

Вероника – Как утопленником?

Яша – Да было дело, утонул один раз.

Вероника – Тонули, наверное?

Яша – Да нет, совсем утонул. А ребята купались, наступили да вытащили. И даже откачали как –то на горе всем отличникам. Правда прозвище потом закрепилось – водяной. Да он-то всё помнит. Он ещё с первого класса заявит чё-нибудь, как Ленин в малолетке, учителя только за головы хватались, да в район бежали за консультацией.

Петр– А ты присмотришь к этой консультации, она еще и перспективы твоей покруче будет.

Яша – (Веронике) О, видите? Я вширь пошел по горизонту, а он сразу вверх полез и вон как там выучился, всё объяснить может.

Вероника – Так вы всю страну объехали?

Яша – Зачем, я и за границей был.

Вероника – Да, и что там видели?

Яша – Папу Римского.

Вероника – Как, самого Папу?

Петр– А что здесь такого? Решил по Ватикану прошвырнуться, а из –за угла – Папа.

Яша – Да нет, отличник, не из-за угла, а в пределах достигаемой видимости!
(Веронике): мы с тур-группой в какой-то город приехали, а там кипишь – то ли революция, то ли собака любимая у начальства пропала. А потом смотрим, а это Папа ихний по улице едет, под стеклянным колпаком и вроде как крестит во все стороны, только ладошкой. А я что тогда – папа да папа, думаю, мне какое дело? И крупно ошибся!

Петр– Когда письмо от него получил на ватиканском языке.

Яша – Да нет, отличник, мы перепиской с Папами не занимаемся. (Веронике) А Папа этот ещё на северах мне потом большую пользу принес! Начнёшь, к примеру, с кем –нибудь спорить, а крыть нечем. И вот тогда, спокойно так, чуть прищуришься, и в лоб: а ты Папу Римского живого видел, споришь тут со мной? Тот сразу и заморгает. До того дошло, что спорить со мной вообще перестали и кликуху дали – «Папин сын». А про Папу я к тому вспомнил, что вот и вам бы Вероника, ну, не похвастаться, а так, между прочим, в компании там упомянуть: а у меня мол один управляющий работает, так он, между прочим, Папу Римского живого видел! Даже губернатор наш не видел, а он видел.

Петр– Что там видел, корефан, можно сказать Папин.

Яша – Корефан - не корефан, отличник, а в пределах видимой достигаемости стоял.

Вероника – Я вот только не поняла, а какой управляющий?

Яша – Ну, так, как я понимаю, дело серьёзное намечается? Но на бугра я не потяну – терпения к людям не хватает, а вот управляющим – мое почтение!

Вероника – Извините, но все равно ничего не поняла. (У нее звонит телефон, она отходит, о чём –то говорит и направляется к дому).

Вероника – (обернувшись) Извините, мне надо идти.

Петр– Ника, но вы еще...(смотрит на Яшу, намекая « что хорошо бы тому убраться») Вас еще можно будет увидеть?

Вероника – Не знаю, прощайте! (Яше) Передавайте привет Папе Римскому!

Уходит в избу. Мужчины ходят по двору, взглядами как бы примеряясь друг к другу.

Яша – Ну, так что, баланс подбивать начнём, раз так давно не виделись?

Петр– (подойдя к Яше вплотную): Слушай, за каким чертом ты влез в наш разговор?

Яша – А полегче можно? Между прочим, у нас один бугор был, грамотный мужик, тёртый, так он так ко мне обращался: бывают, говорит, Яша, на свете дураки, но им хотя бы по ночам иногда умные сны снятся. А ты говорит, Яша, и днём дурак, и сны у тебя

дурацкие. Так что ты, говорит, Яша – идиот круглосуточный. Видишь, как? А с такими осторожно надо, Петя! Ведь мы же, «круглосуточные», сначала делаем, а потом уже думаем, или вообще отдыхаем. А вот ты - долго учился, поэтому много думать должен, так много, что и сделать чего –то некогда бывает.

Петр– Но, зачем ты влазишь, зачем тебе это надо?

Яша – Ну, нельзя же все под себя грести, Петя! Ты выучился, залез куда повыше, так и мне дай шанс.

Петр– Это уже сюр какой-то, куда я залез? Какой шанс? Это у меня, может быть, последний шанс остался, а ты...чего тебе от нас надо?

Яша – Должность, отличник, всего лишь должность.

Петр– Да какую должность, чего ты себе втемяшил?

Яша – Я честно сказал: бугром - опасаясь, управляющим – пожалуйста!

Петр– Да каким управляющим?! Ладно, с тобой теперь всё равно бесполезно! Но дай мне час, всего один час поговорить с ней спокойно.

Яша – Это чтобы договориться как меня за борт?

Петр в бешенстве оглядывается, ища, чем бы можно разбить Яшину голову.

Яша – (искренне удивившись) Ого, ты хоть и не «круглосуточный», а тоже кой-чего имеется! Ладно, даю тебе полчаса.

Петр– А потом?

Яша – А потом нарисуюсь, мне тоже с ней вот так поговорить надо. Ну, а если бы здесь рядом калун стоял, воспользовался бы, или так, только подумал?

Семеновна выходит из дома.

Семеновна – Не выйдет она сейчас, чего ждёте? Если подраться, так и за забором можно.

Яша – Пётр Николаевич человек солидный, зачем ему связываться с каким –то там...да ещё на чужом поле, верно, отличник?

Смотрят друг другу в глаза: Петра уже чуть не трясёт от ярости, Яша смотрит вызывающе весело. Пётр, не выдержав, резко разворачивается и уходит.

Яша – (проводив Петра взглядом. Семеновне) Нервничает. Очень даже нервничает. А это значит, что дело крупняк, врубаешься, Семёновна?

Семеновна – Ничего я тут не могу понять. Не походит она, совсем не походит.

Яша – На кого?

Семеновна – Да на тех, кто всё скупает, какая –то шибко уж простая.

Яша – Ха-ха, так самые хитрые из них вот такими самыми простыми и прикидываются. Хотя эта – сильно уж ловко, не отличишь. Ладно, главное, что пойдёт стройка, и тогда я как рыба в воде. Но теперь-то я по-другому, теперь-то я уж поумнее буду деньги использовать. А самое главное нам - тебя похоронить, и чтоб по первому разряду!

Семеновна, засмутившись только отмахивается от таких несбыточных мечтаний.

Яша – А что, не заслужила, скажешь? По первому! И чтоб лакированный гроб был, с ручками, не хуже губернаторского! Что, не веришь?

Семеновна – Такой гроб, поди и закапывать жалко станет?

Яша – Закопаем! А ещё и речь скажу! Вот так, выйду перед всем народом и скажу! Что значила для нас ныне усопшая Ефросинья Семеновна? А очень много, потому что знала и помнила всех наших дедов и прадедов. Но мы не хотели её слушать, нас не интересовал опыт их жизни, из которого мы бы могли многому поучиться, мы прозвали ее Ночной Старухой и гордо сторонились её. Мы спутались, как справедливо заметил отличник, с разными там инфляциями, облигациями, консультациями и даже с экспертами. И к чему нас это привело? А к тому что свои же своих начали ацетоном травить! Так не забудем же Ефросинью Семёновну, а с ней всех наших дедов и прадедов! Вот так я буду говорить! А ты будешь лежать в лакированном гробу с ручками, слушать, удивляться и радоваться! Вот когда что-то займешь и можешь с другим поделиться и увидеть, как тот обрадовался, вот это и есть главный момент жизни! (делает что-то вроде цыганочки с выходом) Но до этого мы должны книгу до ума довести.

Яша пляшет, Семеновна смущенно качает головой, как бы не решаясь верить в такие радужные перспективы.

Действие второе.

Картина четвертая.

Дом родителей Петра. Мать, отец.

Отец – Устал я, Маша, от беготни этой бесполезной, от всего устал. Может, в город в воскресенье съездим не по делам, так?

Мать – Не могу, ты же знаешь.

Отец – Да я и забыл. Ну, хорошо, до обеда в церковь, а с обеда хотя бы в лес выедем, столько не были.

Мать – С обеда воскресная школа, ребяташки ждать будут.

Отец – Послушай, Маша, ну а тебе самой –то неужели...Бабки - понятно: знаний накопили не очень-то, заняться особенно нечем; вот и придумали новый вид посиделок, но ты-то...

Мать – Там стоят.

Отец – Что?

Мать – Там не сидят, там стоят.

Отец – Какая разница?

Мать – Большая.

Отец – Ты же всю жизнь в школе, свет, знания и после этого...Ну, что у тебя с ними общего? На подруг своих посмотри хотя бы, никто ведь из них там не засветился.

Мать – Они своих внуков не убивали.

Отец – Опять? Да сколько раз тебе говорить, что это несчастный случай! Все это видели и все об этом знают.

Мать – А ты сам видел?

Отец – Как я мог, если был на работе?

Мать – Вот и все так. А я тебе расскажу, как было на самом деле. Да, мы шли от Яковлевых, где Коленьке подарили котенка, и он нёс его под курточкой. Нам встретила Нина, химичка и мы начали с ней что-то обсуждать. А потом почему-то смеяться. Я так увлеклась, что выпустила Коленькину ручку. И когда у Нины вдруг глаза стали круглыми, я всё ещё смеялась. И всё ещё смеясь, я наконец повернулась к дороге, посмотреть, что она там увидела? И увидела сама.

Отец –И что ты нового сказала? Несчастный случай. Ты стояла спиной, Коля побежал за котёнком, который вырвался у него из рук, и угодил под машину.Что здесь нового? Все так и говорили об этом.

Мать –Ты ничего не услышал.

Отец –Да что слышать, я и раньше это знал.

Мать –Коленька дергался в последних конвульсиях, а я стояла рядом и смеялась.

Отец –Но ты же стояла спиной к дороге и ничего не видела!

Мать –Неважно, как я стояла – он умирал, а я смеялась.

Отец –Я вообще не могу понять: в чём, в чём ты виновата?

Мать –А в том, что если тебе доверилось такое родное, но беспомощное существо, ты не имеешь права забывать об этой слабой маленькой ручке в твоей руке, ни на минуту. Потому что самое страшное может произойти в один миг, в одно мгновение. А мне стало очень весело... Всё, не будем больше, сама я про себя всё знаю, а ты...

Отец –Что, и я виноват тоже?

Мать –Нет, ты ни в чем не виноват – вся жизнь работа, даже невозможное совершил – школу построил.

Отец –И что? Ты точно так же работала.

Мать –Не только работала, но и отдыхала.

Отец –А что, отдыхать запрещается?

Мать –Да нет. Помнишь, нам досталась путёвка, почти бесплатная, да ещё за границу.

Отец – В Болгарию? Помню!

Мать –А помнишь, что нам тогда мешало туда ехать?

Отец –Почему помешало? Мы же съездили, прекрасно отдохнули, до сих пор вспоминаю.

Мать –И я вспоминаю: за границу на море и почти даром. Ребёночка вот правда убить пришлось. Но не отменять же нам было из –за него поездку. И мы на семейном совете, мать твоя тогда ещё жива была, решили – надо ехать. А ребёночек что ж – сам виноват, слишком уж не вовремя о себе заявил.

Отец –Я всё равно разнесу, сожгу это гнездо изуверов!

Мать –Точно изуверы – собственных детей убивать запрещают.

Отец –Но все, все так делали! И делают!

Мать – Мне, не за всех, мне за себя отвечать придется.

Отец –Перед кем? Неужели ты, образованный человек, можешь серьезно верить в эти сказки? Ведь это же помрачение рассудка какое-то: в двадцать первом веке верить в каких –то «еси на небеси...»! Очнись, Маша! В первое самое тяжёлое время мы думали: пусть хоть это «на небеси», лишь бы помогло! Но уже почти два года прошло, а ты всё глубже погружаешься в этот мрак.

Мать –А что ты мне взамен «этого» предложить можешь?

Отец –Что? Да всё! Наука уже в такие области проникла, что все эти сказки кажутся теперь...

Мать –(перебивает) Значит ты мне взамен науку предлагаешь: «большой взрыв», «чёрные дыры», и что там еще... Только какое дело твоим «черным дырам» до того, что

где-то, на какой –то там Земле, убили маленького мальчика? Как мне к ним обращаться, на каком языке? А у «изуверов», я пришла к Той, кто сама спасала своего маленького сына, а потом стояла и смотрела на его муки. И вот как обращаться к Ней я знаю, и знаю, что Она меня услышит и поймёт, как мать, и чувствую, как от Неё веет теплом. А от твоих «черных дыр» веет ледяным холодом. Поэтому не надо меня ни от кого спасать и ни откуда вызволять.

Отец –Но ведь и отпуск, и Болгария, всё это было в той другой жизни, зачем сейчас это ворошить?

Мать –А затем, чтобы дети и внуки наши не постановили так же на семейном совете. Я тебе всё сказала. А если и дальше будешь меня «спасать» - найду другое жильё, мне много не надо.

Входит Пётр весь в своём, не замечая родителей.

Петр – Нет, шалишь, браток, теперь я долго думать не буду, и говорить - тоже, а просто возьму и пристрелю молча. (Заметив родителей): Что, пенсия окончательно и бесповоротно?

Мать –Это наши дела. А у тебя, вижу, своих хватает.

Петр – По лесу бродил, а там то ли медведь, то ли бурундук на меня вот и грозился отомстить.

Отец –(Он даже не взглянул на сына, матери): Ты это серьезно?

Мать –Ты меня знаешь.

Отец некоторое время стоит молча, затем выходит.

Петр – Да что у вас?

Мать –У нас своё, а вот перед тобой, перед сестрой твоей повиниться хотела бы.

Петр – Ты, перед нами? Да это мы перед тобой должны на коленях...

Мать –Отец сейчас говорил, что мы честно работали и, вроде бы, верно. Только вот оставляем мы после себя, словно бы выжженную поляну: любимого внука нет, внучка, дочь твоя, нас и знать не хочет, ты здесь у нас от семьи скрываешься, сестра твоя, мать Коленьки, видеть меня не может, и от мужа ушла. И всё это оставляют после себя два педагога.

Мать молчит. Пётр ходит по комнате, подбирая нужные слова и не находя их.

Петр – «Педагоги»... Причём здесь педагоги? А у других, не педагогов, не так, не тоже самое? Ещё в детстве помню, фильм был: «Этот безумный, безумный мир», так сколько времени прошло с тех пор, и на сколько он продвинулся в этом направлении? Что вы могли сделать, если со всех экранов, из всех щелей фонтаном по мозгам бьёт! Ты

представляешь, какая сейчас у людей каша в голове, как всё перевернуто? Вот если бы моей, надеюсь, уже бывшей, и всей её тусовке доказали сейчас самыми что ни на есть научными фактами, что Страшный Суд действительно будет, у них бы лишь зрачки сузились: пусть только попробуют ущемить там какие –то наши права! Да мы до Страсбургского суда дойдем, до Гаагского трибунала! Мне вообще кажется, что самое главное наше достижение последних лет, то что если раньше тараканы были в головах у вождей, то теперь большинство граждан обзавелись своими собственными. А ты одну себя винишь. Всё в такой клубок сплелось что никто не найдет ни конца, ни начала.

Мать –Нет, сынок, начало-то как раз от нас и идёт. Если бы мы в первую очередь были отцом и матерью, а потом уже всем остальным, то и мир был бы сейчас не совсем таким.

Петр – Да, она другая.

Мать – Кто?

Петр – Женщина эта.

Мать –Ну хорошо, другая и наверно хорошая, только с семьей-то что?

Петр – Нет её и не может быть.

Мать –Почему?

Петр – Потому что мы совершенно одинаковые. Она так же курит, пьёт, матерится, даже денег у неё больше, и зачем я ей тогда?

Мать – Она даже сейчас ещё красавица, а у тебя получается, что она... Как можно так о жене?

Петр – Внешность для нее - это товарный вид. А то, что говорю о ней – интересно бы послушать, что она обо мне говорит – такая вот семейка. Даже по физике одинаковые тела отталкиваются.

Молчат.

– А эта другая, рядом с ней мне хочется снова мужиком стать: защищать ее, оберегать, стать добытчиком, детей хочется на неё похожих. Мне вообще показалось, что она какой –то другой вид людей представляет. Если я и мне подобные относимся к подвиду homo... «человек недовольный», то она представляет «человека благодарного» или что-то в этом роде.

Мать – Хорошо, она другая, может быть необыкновенная, но ты уверен, что и с другой через несколько лет все это не повторится? Кризисы, какие-то надломы во всех семьях бывают, но если их пережить все опять как-то срастается.

Петр – Но вот вы с отцом смогли, же как-то обойтись без этих надломов.

Мать – И у нас было.

Петр – Когда что-то не припомню?

Мать – После одного веселого путешествия. Но это не всегда крики и ссоры, один иногда может и не подозревать, что происходит с другим, хотя бы попытайся ее понять, а, то мы действительно видим друг друга как в кривом зеркале. А про эту другую, ты ведь ничего не знаешь.

Петр – Хорошо, мам, я понял. (всем видом показывает, что хочет остаться один)

Мать – Пойми сынок, если еще и ты без семьи останешься...

Петр – Я понял, мама.

Мать, видя нежелание продолжать разговор выходит. Петр, подождав какое-то время, вынимает из шкафа кобуру на ремне, одевает её под костюм, «как у оперов», вынимает и осматривает пистолет, произнося во время этих действий текст:

Петр – Нет, господин - товарищ Водяной, мы, пьеры, дрожащей тварью быть несогласные! Чтобы какой-то незаконно воскресший утопленник время нам отмерял, да указывал как нам вести себя – шалишь! А откидывать нас, как кутят, с вашей стороны неосмотрительно, небезопасно и даже контрпродуктивно. Чем возвращаться в пыльную кладовку, я лучше пристрелю тебя и пойду в настоящую тюрьму с новейшей сигнализацией и оборудованием. (Осмотрев себя в зеркало) Ну вот, кажись и реальная жизнь начинается.

Действие второе.

Картина пятая.

Семёновна все еще собирает свои вещи. Из избы выходит Вероника.

Вероника – Извините, баба Фрося, что не помогаю.

Семеновна – Ага, не доставало тебе ещё с тряпками моими возиться. Чего –то ты, гляжу совсем невесёлая?

Вероника –А вы чувствовали когда –нибудь, как уходит день, час, минута и не остановить, ухватиться не за что?

Семеновна –Время, что ли как бежит? Слышала, ещё как, особенно ночью. Так тебе- то зачем молодой об этом думать, это только к старости замечать начинаешь. Так что будто у тебя случилось-то?

Вероника –Информацию получила.

Семеновна –Чего?

Вероника –Весточка пришла. Весточка – повесточка. А уезжать от вас не хочется: меньше двух суток побыла, и уже прикипеть успела.

Семеновна –Ну так и не уезжай, куда тебе обязательно бежать-то надо? Ничего не могу тебя понять.

Вероника –А и не надо, это моё, личное. Хорошая вчера ночь была – тихая, лунная, сегодня такая же будет?

Семеновна – Бог её знает, это уж не нам решать.

Вероника –Сколько их ещё осталось ночей, лунных и не очень? Мы почему- то уверены, что кто-то нам обязан предоставить всё, что «положено». А никто нам ничем не обязан,и что нам положено, нам и знать не дано, вы точно сказали: не нам решать. А родители ничего не знают, врач - папин друг, и ничего им не говорит. Потому что «от них очень много отнимется, а мне всё равно ничего не прибудет».

Семеновна – Да ты чего; о чем говоришь-то, ничего понять не могу.

Вероника –Это уже что-то вроде бреда. Знала, но не думала, что так скоро. Всё правильно, баба Фрося, всё верно: главное, не надо никого загружать. Просто иногда так хочется хоть кому-то рассказать, пожаловаться, чтобы пожалели, даже «по головке погладили». (уходит в избу)

Семеновна садится на скамейку, молчит.

Семеновна –Как подменили девчёночку.

Входит Петр и долго стоит молча.

Семеновна –Уже опять?

Петр – Она что делает?

Семеновна –Совсем какая –то не такая, не до тебя ей сейчас.

Петр – А это не тебе решать: до меня или после меня; мне её увидеть надо.

Семеновна –Как это не мне решать; чья изба-то?

Петр – Изба твоя, но она... не только твоя. Мне её обязательно увидеть надо, хотя бы ненадолго.

Семеновна –(после паузы) Мать у тебя хорошая женщина, только из –за неё и потекаю тебе. (идет к дому. Сама себе): может, и правда - на людях-то ей полегче будет. (заходит в избу, через какое-то время оттуда выходит Вероника.)

Петр – (идет ей навстречу) Извините, но я не мог не прийти, вы скоро уезжаете?

Вероника –Завтра утром.

Петр – Что-то случилось?

Вероника –Нужно ехать.

Петр – Может быть, я могу чем-то помочь?

Вероника –Нет, спасибо.

Петр – Я понимаю, Вероника, вам сейчас, видимо, не до разговоров, но должны же мы как-то ... Не можете же вы уехать так, вдруг, ничего не сказав?

Вероника –А что я должна сказать?

Петр – Это я должен сказать, хотя и так наговорил больше, чем надо. Я прошу вас только об одном- разрешите мне уехать с вами.

Вероника –Куда?

Петр – Туда, где вы живете, в ваш город, на вашу улицу, чтобы я мог хоть изредка видеть вас как своего... врача, доктора.

Вероника –Этого делать совершенно не нужно.

Петр – Но почему?

Вероника –У вас семья, а у меня своё, только моё, личное.

Петр – Я совершенно не покушаюсь на ваше личное, мне только хотя бы изредка видеть вас, как своего врача, доктора. Бывает же личный врач, к которому обращаются в трудных случаях?

Вероника –Я не врач.

Петр – Но во мне всё перевернули! За какие-то два дня со мной что –то...Я даже сам не понимаю, что со мной произошло.

Вероника –Скорее всего вам просто так кажется.

Петр – Нет, произошло, и главное - я теперь совершенно не могу туда, снова туда. Вы читали о случаях клинической смерти?

Вероника –(чуть заметно вздрогнув) Зачем вы это мне?

Петр – Я читал. Там подробно описано, как душа выходит из тела, и как ей становится легко и свободно, она просто блаженствует. И когда ей кто-то приказывает вернуться в тело, ее охватывает ужас: она видит холодеющий кусок плоти, в который ей нужно снова входить.

Вероника – Зачем вы мне это говорите?

Петр – Чтобы вы поняли, в каком я состоянии: мне нельзя туда возвращаться, там все мёртвое. А когда я рядом с вами, мне легко дышится.

Вероника –Петр Николаевич, прошу вас, не надо этих слов.

Молчат.

Вероника –Вы думаете, перед войной во всех семьях всё было так гладко? А почитайте, какие письма потом слали с фронта, какие стихи писали, какие песни пели, каким утерянным раем представлялась им предвоенная жизнь. Чего вам не хватает?

Петр – Мне? А что у меня есть?

Вероника –В том-то и дело, что у вас есть всё, вы даже сами не осознаете, какой вы счастливый.

Петр – Я??? Да последний нищий счастливее меня во сто крат, потому что у него есть надежда: найдет деньги, разбогатеет и...А мне и находить нечего, и надеяться не на что.

Вероника –(больше для себя) Даже если кому-то отпущен малый, совсем малый срок, и тогда надо принимать это с благодарностью. Бывают бабочки – однодневки, всего один день жизни. Но весь этот день с утра и до вечера они летают над цветами и радуются! А вы... такое здоровье, столько сил...

Петр – Да поймите же, что только рядом с вами я живу, а как только отхожу от вас, превращаюсь в инвалида. А вы не хотите, не можете этого понять.

Из-за угла избы выходит Яша и подходит к скамейке.

Яша – Добрый вечер Вероника! Он вроде как обижать вас начал?

Рука Петра непроизвольно тянется к кобуре под пиджаком, но, взглянув на Веронику, сдерживает себя.

Вероника –Нет, Яша, что вы, все хорошо. (она непроизвольно обрадовалась появлению Яши, так как разговор с Петром становился для неё всё более тягостным).

Яша – Но всё равно - полчаса уже прошло.

Вероника –И что?

Яша – Так он сказал, что только полчаса с вами поговорит, больше сказал не надо. Так полчаса уже прошло.

Петр – Что ты здесь несёшь...

Яша – Но был же уговор, и что ты теперь?

Петр – Чего тебе нужно?

Яша – Поговорить с Вероникой.

Петр – Говори.

Яша – Нет, уж, мне тоже с глазу на глаз надо.

Вероника – (Петру): Наверное, у него что –то важное.

Яша – Точно.

Петр – (В бешенстве, рука снова тянется к кобуре, но присутствие Вероники его сдерживает. Яша, видимо, понял, что у Петра есть что-то под пиджаком, но только ухмыльнулся. Пётр тяжело встаёт и отходит в дальний угол садика.)

Яша – Вообще-то он мужик ничего – грамотный. Горячий только. Я его ещё в школе гонял, но он ничего, родителям не жаловался. Букашек вот только сильно боялся почему-то.

Вероника –Каких букашек?

Яша – Да, это так, ребятишки! Мы с Семёновной сначала думали, что вы скупать приехали, ну народ так постановил, а потом прикинули, нет не походите вы.

Вероника –На кого не похожу?

Яша – На тех, кто скупает.

Вероника –Почему?

Яша – Комплекция не та, да и повадки. Не, не походите.

Вероника – (уже улыбается) И на кого же я похожу?

Яша – Ну, наоборот, на хорошего человека. И видно, что грамотная. А я вот как раз по этому делу и хотел к вам. Книгу мы с Семёновной написать надумали. Не сами, конечно, бухарик подсказал.

Вероника – Кто, извините?

Яша – Писатель один, только закладывает сильно. Так и сказал мне: одну книгу может любой человек написать. А мне больше и не надо, да если ещё не один, а с Семеновной.

Вероника –А вы бабы Фроси внук будете?

Яша – Не, какой внук! Дед мой еще давно когда-то к ней сватался. И хотя не обломилось ему тогда, всёравно сватался же. Вот мы вроде, как и роднимся. Всё равно, больше-то, ни у неё, ни у меня никого нет. А так вроде как и родня имеется.

Вероника –А о чём книга?

Яша – Ну, половина – Семёновна расскажет про тех, кто тут раньше жили, она всех помнит, чтоб люди знали, какие у кого деды-бабки были, и, может, кой-чему у них и поучиться можно. А вторую половину я напишу.

Вероника –Про Папу Римского?

Яша – Зачем мне какой папа? Я про себя напишу. Чтоб молодежь знала, да не гонялась за большим баблом. А то потом всё равно, как у меня получится: ни денег, ни семьи, а жизнь уже к концу.

Вероника –В вас ещё столько сил, что горы свернуть можете.

Яша – Не, с меня хватит этих гор: и копали, и взрывали, и вывозили, мы уж лучше с Семёновной книгу провернём.

Вероника –Но вы сказали, что он обещал вам помочь? Он кто, журналист, прозаик?

Яша – Раньше в газету писал, и даже книжку какую –то, а теперь... Сам-то я (щёлкает себя по горлу) к этому делу, можно сказать, равнодушный, дед так воспитал, что душа не принимает. Иначе б и не вернулся совсем с северов этих. А к нему без бутылки не пойдёшь. Он сначала один её оприходует, а потом советы давать начинает, ну, как писать, и вообще по жизни. Только вот у меня сомнение насчёт названия.

Вероника –Названия книги?

Яша – Ну, да. Он кричит: назови ее «Советы идиота». Ну, умных, дескать, сейчас, как собак нерезанных, надоели всем хуже начальства, а на идиота сразу клюнут. Но мне вот как-то чего –то в этом названии... Вроде как душевности не хватает, что ли. (глядя на Петра который за спиной Вероники демонстративно вынимает пистолет, как бы проверяя его): Точно, пушку приволок, крутой!

Вероника –Что?

Яша – Да это я картину вспомнил, по телеку показывали.

Вероника –Что –то не так?

Петр прячет пистолет в кобуру, одёргивает пиджак и подходит к скамейке.

Петр – Всё высказал?

Яша – Да нет, отличник, мы не высказываемся, мы просто говорим честно и открыто!

Петр – Ну и хватит, наговорился.

Яша – (Веронике, незаметно для неё, кивая на Петра) Ну так как мне с этим идиотом – то?

Вероника – Попробуйте, всё-таки, посерьёзнее.

Яша – Подумаем, пока он тут вам плакаться будет (отходит).

Петр – Вы ему что-то рассказали?

Вероника –Мы книгу обсуждали.

Петр – Он вам кажется таким безобидным?

Вероника –Яркий типаж, из тех, кто в горящую избу войдет за ребенком. Или за котёнком.

Петр – А потом кого –то прирежет с улыбочкой.

Вероника –Не думаю. Для этого нужна будет очень сильная мотивация.

Петр – Но мы так и не договорили.

Вероника –О чем?

Петр – Я не могу возвратиться, и здесь я уже «как притча во языцех», поэтому...

Звонок телефона Вероники. Она берёт его, отходит в сторону, слушает и что –то тихо отвечает. Пётр на скамейке. Яша тихо подходит сзади, что –то опускает ему под рубашку (за шиворот) и быстро отходит. У Петра глаза округляются и начинают «вылазить из орбит», тело его содрогается в конвульсиях, он начинает издавать звуки напоминающие одновременно стоны и мычание. Вероника оборачивается, видит корчащегося Петра и в ужасе застывает, не понимая, что с ним происходит. К ней спокойно, даже с улыбкой, подходит Яша и с удовольствием начинает объяснять происходящее.

Вероника – Что с ним, посмотрите, что с ним?

Яша – А это когда мы ещё ребятишками были...

Вероника –Да сделайте что-нибудь, что вы стоите? Скорую надо, быстрее скорую!

Яша – (смеётся) Ну, вы даёте!

Вероника –Да вы посмотрите на него, ему же плохо, у него приступ какой-то!

Петр подскочил на ноги и, не переставая корчиться, запрыгал так, что это стало напоминать танец злого духа.

Яша – Да какой приступ, «танец с насекомым» называется, мы ребятишками специально друг другу подкидывали.

Вероника –Что подкидывали? Вы посмотрите, что с ним, как здесь вызвать скорую?

Яша – Какую скорую, нас сначала засмеют, а потом обматерят. Ему же просто букашка под рубаху заползла, «волосогрызка» называется. Вот такая большая, черная, лохматая и вот с такими усами! (шутит) Она у него сейчас по спине ползает, место ищет откуда его грызть начнет. Да вы не бойтесь, после этого почти все живыми остаются. Она только на вид страшная, а так...ну, может, только руку какую или там ногу отгрызёт.

Вероника – (у нее непроизвольный позыв к рвоте) Нет, я так не могу, я просто не могу здесь быть.

(Убегает в избу. Яша, немного растерявшись, смотрит ей в след, но когда она скрывается в избе – успокаивается. Он, видимо, хотел помочь Петру, но тот, наконец вспомнив про пистолет, вытаскивает его и начинает стрелять в Яшу, но так как рука его дергается в конвульсиях вместе с телом, стреляет он мимо).

Яша – (поняв, что пистолет травматический) А, так у тебя пукалка, а я ещё думаю: откуда у него ствол. (Петр, не перестает стрелять, хотя и мимо) Смотри, Петро если в глаз или шею попадешь, надолго сядешь. (Петр продолжает стрелять) Не хотел тебе говорить, расстраивать, но раз ты так, - я ж тебе скорпиона забросил, после него только три минуты живут! (трясет перед Петром тремя пальцами) Три минуты!!! (Конвульсии Петра удваиваются, он роняет пистолет, всё пытаясь руками дотянуться до спины. Яша, подняв пистолет): Вот так –то лучше, а теперь говори! Он сейчас ползает место получше ищет куда жало воткнуть, а как ужалит - всё, три минуты! Так что успевай быстрее говори! Может, семье чего передать, родителям, вроде как последнее слово? Или может людям, народу что скажешь напоследок? Ну, чего мычишь, говори! Столько лет учили тебя и под конец сказать нечего? Последние же минуты идут, говори! Я даже записать могу. Или просто посоветуй, как мне на твоих похоронах выступить, а я точно могу речугу задвинуть, ну? (видя что, Петр уже в полуобморочном состоянии, помогает ему) Эээ, учили тебя учили, а как приспичило - сообразить не мог, что не дёргаться надо, а рубаху из-под ремня выдернуть. (Выдёргивает рубашку и давит ботинком выпавшее насекомое). Вот так и бывает: одна большая насекомая, и вся любовь! И тоже сообразить не мог, где я тут какого скорпиона найду? (Вынимает обойму и отдаёт пистолет) На и не балуй больше. А то если в глаз или ещё куда попадет...И не побоялся в живого человека стрелять? (Петр постепенно приходит в себя, и приводит в порядок одежду. Из избы выходит Семеновна. Семеновна подходит.)

Семеновна – Что ж вы так девчонку-то пужаете?

Яша – А что тут такого?

Семеновна – Она что, с тобой росла, привычная что ли? Прибежала, трясётся вся.

Яша – Да, не рассчитал маленько, не подумал.

В ограду входит Мария Михайловна. Заметно, что она шла или очень быстро или даже бежала.

Мать – (Петру) С тобой ничего?

Петр –(он уже привел себя в порядок) Все нормально.

Мать –А мне показалось...вдруг...Ну, слава Богу! Просто показалось. Здравствуйте!

Яша – Здравствуйте, Мария Михайловна.

Семеновна –Здравствуйте, проходите.

Яша –А мы вот тут сидим, дышим, и Петро ваш здесь.

Мать –Да, всё хорошо. А что за машина сейчас выехала?

Яша – Какая, много их тут бегают.

Мать –Со двора выехала.

Яша – Со двора? (смотрит на Семеновну)

Семеновна –Уехала наша гостья, дела какие –то срочные.

Яша – Но она же говорила - завтра?

Семеновна –Вы бы ещё похлеще тут устроили!

Яша – Не подумал я, что она совсем из другого теста. Да, поворот. Точно – круглосуточный, развеселить её хотел.

Семеновна –Садись, Мария Михайловна, посиди с нами. (Мать садится)

Яша подходит к Петру, который отошел вглубь к черёмухе.

Яша – Ну что, Петро, без обид? Я подурил, ты пострелял, завяжем, наверно? (отдает Петру обойму)

Петр –Что с тебя возьмешь – какой есть, такой есть.

Яша – Эт точно, теперь уж поумнеть не успею! А на дураков, слышал, даже отличники не обижаются. (Подходит к матери Петра): Хорошо, что зашли, Мария Михайловна, посидим, подумаем.

Все думают. Петр молча ходит в глубине садика.

Яша – На золотом крыльце сидели царь, царевич, король, королевич, сапожник, портной; говори, кто ты будешь такой, не задерживай...А мы-то кто будем, и не портные, и не царевичи и даже не колхозники теперь, мы-то кто будем?

Семеновна – Кто? Да жители.

Яша – Это как?

Семеновна –Раньше одни жили, теперь вот мы живем, а потом...

Яша – Это вроде квартирантов, что ли? Тогда нас в любой момент с этой квартиры шугануть могут. Так кто мы, Мария Михайловна?

Мать – Люди. Пока ещё.

Молчат.

Яша – Дааа, люди... Только не все, однако. (Семеновне) Ты расскажи, куда, зачем по ночам ходишь, а то народ уж думает, что ты колдунья какая –то.

Семеновна – (матери) Какая ж с меня колдунья? Если б была, так наколдовала бы, чтоб огород за три дня вырос: приходите ешьте, у меня через три дня снова народится. Или чтоб пенсию в полтора раза прибавили.

Яша – Зачем полтора, тогда уж раз в десять!

Семеновна –Нет, уж чтоб не спать потом из – за неё... Мне и полтора хватит.

Молчат. Петр все так же ходит по садику.

Яша – (Семеновне) Ну так расскажи куда, зачем ходишь-то?

Семеновна –(словно бы оправдываясь перед Марией Михайловной) В старости сон-то известно какой. Ну, и если месяц ясный, пойдёшь по улице. Подойду к дому заколоченному и начинаю сама себя обманывать: это они спят, думаю, легли уже, потому и не света, ни шороха. Ну и пусть спят, не буду будить, лучше завтра зайду пораньше. Да и к другому такому же дому иду. Стоишь около них, а сама вспоминаешь, как там раньше - то жили. У Евсеевых печка железная была, буржуйская вроде, а они на ней всё пшеницу жарили, ребятишек-то не сосчитать! И такой дух в доме от этой пшеницы жареной, что аж сейчас ещё в ушах стоит.

Яша – Почему в ушах-то?

Семеновна – Ну, так ребятишек-то сколько! Наберут в карманы, грызут, да и есть не просят.

Яша машет рукой: чего с нее возьмешь?

Семеновна – А у Васильевых самовар был, шипко уж правильный: как запыхтит вроде как даже сердиться начинает. А рядом большая кружка с молоком и ложка расписная, деревянная. И вот как нальют, с начала с маленького чайничка заварника, потом крутого кипятку из самовара, а потом молоком из кружки забелят ложкой расписной деревянной так чай этот еще и теперь снится.

Яша – Чай-то как сниться может?

Семеновна –Так и правда, как сон, двух дней не погостила певунья моя и уехала, убежала бедная моя девчоночка.

Яша – Да я это, точно водяной придумал забаву!

В садик неуверенно входит отец Петра.

Отец- (матери) Зашел домой, а там никого- пусто. Ты меня больше так не бросай. (всем) Здравствуйте.

Яша – Добрый вечер.

Семеновна –Здрасте, здрасте!

Мать –(отцу) Сядь, посиди с нами. (отец садится рядом с матерью. Все молчат)

Семеновна –Вот так все и прошло. И где они теперь? Я вот пошто-то всё думаю да дивлюсь. Вот жил, к примеру мужичонка какой, немудрящий совсем, не грамотный, а как помер, сразу умнее всех нас стал, даже самых грамотных.

Яша – Это почему?

Семеновна –Ну так мы то все здесь сидим да только гадаем: как да что там, на том свете. А он уже все своими глазами увидел и все понял.

Яша – Как он увидит, если глаза у него здесь остались?

Семеновна –А ты когда спишь с глазами закрытыми, сон чем видишь?

Яша думает. Все молчат. Петр подходит.

Петр –(матери) Точно ты говорила: галлюцинации это все были - глюки! Ничего не было, а мы все поверили.

Яша – Чего не было?

Петр –Ничего и никого не было.

Яша – Здесь что ли, сегодня? А Вероника?

Петр –Мираж, бывают такие глюки коллективные, мираж – возник и исчез! Да вы и сами уже забыли об этом, другие разговоры пошли.

Семеновна –Почему ж забыли то? Потому и говорим не переставая, чтоб не думать об ней, да себя не растравлять.

Яша – Поворот! Это что ж теперь: самому себе не верить?

Семеновна – «Не было»...Как же «не было», когда банки вон в избе остались и пакеты? Вот когда их доедим, тогда может кто-то и поверит, что ничего не было.

Петр –Не было ничего. Из лунного света возникла, в нем и растворилась.

Семеновна –Ладно, кому было, кому не было, чего спорить. (Переводя разговор на другую тему): Я вот еще чего никак понять не могла: ночью выйдешь, тихо совсем, а там наверху, если прислушаешься, как будто гудит что –то. Так гудит, что иной раз аж со свистом.

Яша – Провода, что ли?

Семеновна –Какие провода? Там, совсем наверху. Думала, думала, а потом и пришло на ум: ведь это же время теперь так летит, гудит, аж со свистом.

Мать –Не время это.

Семеновна –Не время? А что ж тогда?

Мать –Не знаю. Разве только искусственное какое. Настоящее время тихо идет, незаметно, прислушаешься -услышишь, как трава растет.

Семеновна – А что ж это тогда гудит со свистом? Ничего не пойму.

Мать –И не поймешь. Все ничего понять не могут. Сказано же: первые люди ничего не знали, но все понимали. Потом стали больше знать, но меньше понимать. А мы вот теперь, все знаем и ничего понять не можем.

Петр – Был я там (кивает головой вверх)

Семеновна –На том свете что ли?

Петр –Это еще не тот свет.

Семеновна –А что же?

Петр – Сама же говоришь, слышала, как гудит и свистит. (как бы вспоминая) И хрипит и визжит и хрюкает.

Яша – Так что это?

Петр –Виртуал, эфир, мейнстрим – называй, как хочешь, а все один черт.

Яша – Ты говори понятнее, не все же такие грамотные.

Петр –Тебе не все равно как называется? Главное, как действует.

Яша – Ну и как?

Семеновна –Чего-то он уж шибко страшно: и визжит, дескать, и хрипит, и даже хрюкает, - я такого не слыхала.

Петр –А ты поднимись туда – услышишь.

Яша – Ничего себе! Ну и как туда попадают?

Петр –Совсем просто: сам не заметишь, как там окажешься.

Яша – Ну так как?

Петр –Заходи в сеть, садись перед ящиком и не вставай неделями, месяцами, годами.

Яша – И всё? И к чему тогда ты этот разговор затеял?

Петр – А с чего ты взял, что я для одного тебя говорю?

Яша – (взглянув на родителей Петра) Так бы и сказал.

Все молчат.

Петр – И вот как вознесёт тебя туда, весь мир перед тобой как на планшете. Все видишь и все слышишь. Что на одном конце земли сказали, и что на другом ответили. Плаваешь в этих волнах информации и...

Яша – И что?

Петр – У всех по-разному, каждый по-своему.

Яша – С ума сходит?

Петр – Точно, вроде этого. Там ведь кого только нет. А мне вот всё шёпот какой-то слышался, свистящий такой.

Яша – И что говорил?

Петр – (почему-то вздрогнув) Кто?

Яша – Я откуда знаю – ты слышал.

Петр – И я не знаю. Теперь все так перемешано, что и сам не поймешь: то ли ты это во сне видел, то ли в сети, то ли «просто крыша поехала».

Яша – Ну так что он шептал-то?

Петр – (больше для родителей) О том, что старый мир, «мир слова» закончился и умирает. А на смену ему идет новый- «мир чисел». И что если там внизу ты был никому ненужным и одиноким, то здесь ты попал в число избранных, призванных создавать этот новый мир. Ну и всё в этом же роде; в общем – чушь всякая. Но ведь убедил, поверил: что там какие-то блоггеры - в новые демиурги захотелось! А раз так, то процесс насыщения новейшей информацией должен не прекращаться ни на минуту. В результате в тебе не остаётся ничего своего, личного, зато ты по горло набит всяким глобальным. Ну и естественно хронический процесс несварения головного мозга. Так что когда я пришел к ней как больной – это было правдой.

Мать – Если «было», значит, сейчас ты...

Петр – Да. И завтра же поеду к сестре, привезу ее сюда и будем решать, как и чем засеять нашу выжженную поляну. Да теперь я другой. Сначала видение это во мне многое перевернуло, а потом воскресший утопленник произвел надо мной акт экзорцизма.

Яша – Чегооо?

Петр –Изгнания дьявола. Ведь он, как известно, прячется в деталях, а это та же информация, только более подробная мелким шрифтом, которой были забиты даже поры моей кожи. (Яше) А ты всё это из меня вытряс. Я ведь тогда в таком состоянии был, что действительно поверил в эти «три минуты». И тогда в голове как бы табло вспыхнуло, как она говорила: «цена вещей» высветилась - что первое и что последнее. И сразу понятия о всяческих изысканных соусах, тонких приправах и «прочих трюфелях» - испарились, выветрились, а на первый план выступили кусок хлеба, глоток воды и вдох чистого воздуха. (Матери): Так что понимать то мы все поймем, только за три минуты до конца.

Мать – Или когда случится самое страшное.

Петр – И еще внутренний крик, вопль, стон: неужели это конец? И это все? Но ведь еще не произошло самого главного, ведь для чего –то же был я рожден? И ответ, на том же табло: ты ждал, что главное придет к тебе извне откуда-то, а оно должно было произойти в тебе, здесь, внутри.

Молчат.

Яша – Я, конечно, ничего не понял, но сказал ты, Петро, всё правильно: главное -будь человеком! Даже если ты будешь мэром или каким-нибудь там спикером, или еще того похлеще, народ тебе даже это простит если ты человеком останешься!

Семеновна –Так и раньше, вон возьми, да хоть Федора Бузуя, у всех тогда только «лисапеты» появляться начали, а у него сразу «моцыклет», и ничего, даже здоровался с народом за ручку.

Молчат.

Петр –(Яше)Ты вот спрашивал, зачем я разговор про это (кивает вверх) завел. А затем, что одни мы последние, наверно, сидим сейчас под этой луной. Все остальные туда перебрались: (опять кивает вверх) кто постарше, в сериалах витают, кто помоложе, в сети, – и знакомятся там и разборки устраивают и развлекаются, а скоро, наверно, и размножаться там будут. Все там и все там, даже управляют нами оттуда - электронные нолики. Так что одни мы здесь остались. И сидим вот здесь ни на золотом крыльце, ни самые умные, ни самые богатые, ни разу не знаменитые, такие какие есть.

Семеновна –Так наоборот выходит: и не такие мы и не сякие, и не умные, и опять же дураками не назовешь, к кому ж нам тогда приткнуться?

Мать –А зачем, нам куда притыкаться? Как жили, так и будем жить и каждый свое дело делать.

Отец – (вдруг встрепенулся) Вот это точно! Главное - школу сохранить и когда ученики снова появятся, она уже готовая ждать их должна.

Молчат смотрят в вышину.

Семеновна – Ой благодать то какая! Это ж надо было мне столько прожить то, еще бабушка моя помню, все мурлыкала: «девки – тута! Где моя Мархута?» А теперь, что вокруг творится? И все равно хоть и не такие мы и не сякие по вашему, а по мне все равно счастливые: сидим вот, да как когда-то еще ребятишками на месяц глядим, как будто ничего и не менялось, как будто теперь все только начнется. Это ж надо благодать то какая!

Яша – Ты это днем смотри не скажи кому, а то по земле будут кататься будут от хохота: счастливая нашлась, не то что машины, телевизора не имеет!

Семеновна – Ну ты и сказанул, машину! Вот если б пожила она у меня еще подольше – так больше б мне и совсем ничего не надо было.

Яша – (крутит головой) Дааа счастливые... Помню: утром идёшь в школу через лужок, трава ещё зелёная, но подмёрзла уже и хрустит под ногами, а сзади длинный след остаётся- полоса такая. А как солнце пригреет, и нету её исчезает. Ндаааа... И откуда она нам явилась? То ли ещё с царских времен сохранилась как-то, то ли уж новые такие начали нарождаться? Прошелестела как в сиреновом тумане...

Все молча смотрят в вышину. Мария Михайловна прижалась к мужу и положила голову на его плечо. Тот сидит не шелохнувшись, боясь вспугнуть минуту, которую он так ждал. За прозрачной материей как общее воспоминание высвечивается Вероника в платье из первой картины.

Голос Вероники – Преклоняйтесь перед тайной любви, тайной женщины, благоговейте перед тайной жизни и тайной смерти, но не прикасайтесь к ним, ибо если покровы этих тайн будут сорваны, голый радио сожжёт, испепелит эту землю.

В полную силу и в полной аранжировке звучит романс:

Только вечер затеплится синий,

Только звёзды зажгут небеса,

И черёмух серебряный иней

Уберёт жемчугами роса,

Отвори потихоньку калитку

И войди в тихий садик как тень,

Да накинь потемнее накидку,

Кружева на головку надень...

Музыка. Занавес.